

Архимандрит АЛЕКСИЙ (Кутепов),
наместник Троице-Сергиевой Лавры

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ КАК РУССКИЙ ИДЕАЛ СВЯТОСТИ

Преп. Сергий Радонежский
Фреска Рождественского собора
Ферапонтова монастыря

Дионисий. 1500—1502 гг.

(Кол. 3, 11), говорить о русской духовности? Ведь история Церкви является раскрытием во времени домостроительства Святого Духа, и, значит, она не имеет собственной территории — «Дух дышит, где хочет» (Ин. 2, 8), она проходит через сердца людей. Правомочно ли говорить о национальных традициях, когда речь идет о жизни в Духе Святом, когда говорится не просто о родстве духовной жизни, но и родстве по Духу?

Историческим примером жизни в Духе Святом может служить поклон, который сделал Преподобный Сергий святителю Пермскому Стефану, не видя его телесными очами, но видя в Духе Святом. Подобный «поклон» совершил иной духоносный муж, ученик и сподвижник святителя Григория Паламы — святой Константинопольский патриарх Филофей, благословивший Преподобного Сергия и приславший ему «поминки: крест, параман и схиму, вместе со своим писанием»⁴. Будучи исихастом, он в Духе Святом по откровению знал о Преподобном Сергии. Здесь видно, что ни расстояние (от Царьграда до Радонежа около 3 тысяч км), ни время, ни национальная принадлежность не имеют значения, когда люди находятся в Духе Святом.

Сошествием Святого Духа в день Пятидесятницы искупленная, омытая и очищенная Кровию Христовою Церковь соделывается уже не только Телом Христовым, но и полнотой «Наполняющего всё во всем» (Еф. 1, 23), сообщая в своих таинствах верующим соединение их человеческой природы «с Божественной природой в Ипостаси Сына, Главы Своего мистического Тела»¹. Благодатно возрождая, освещая и усвершая своих членов, соделывая их причастниками вечной жизни в Богообщении, Церковь Христова является началом всякого личного благочестия и святости.

Тысячелетие назад животворящая сила Церкви Христовой стала присуща и русскому народу, принявшему святую православную веру и святое Крещение. «Дух Православия как нельзя более соответствовал духовному радикализму русской души, её широте и открытости, ибо перед ней, не скованной нормами европейской цивилизации, ничто не заслоняло реальности Бога»². «В русской душе Царство Божие не наталкивалось ни на одно из тех стремлений к омирщению, которые так мощно сказывались в сложившемся под римским влиянием западном мире. Русские не знали ни восточного деспотизма, ни культа императора, ни культа государства»³.

Но справедливо ли в Церкви, в которой «нет ни еллина, ни иудея»

Однако «Церковь, это новое тело человечества, содержит в себе множество человеческих ипостасей... Дело Христа относится к человеческой природе, которую Он возглавляет в Своей Ипостаси. Дело же Святого Духа относится к человеческим личностям, обращается к каждой из них в отдельности. Святой Дух сообщает в Церкви человеческим ипостасям полноту Божественности единственным, личностным образом, приспосабливаемым к каждому человеку как к личности, созданной по образу Божию»⁵. Следовательно, святость — это не обезличенность. Каждый будет прославлен в меру своей любви, а любовь бывает разная по своей силе. Значит, при всей универсальности жизни человечества Духом Святым в Церкви Христовой, при общности пути и сердцевины подвига мы видим и различие по складу характера, по склонности души.

Слова Пресвятой Богородицы: «Сей от рода нашего», обращенные к преподобному Серафиму, относятся и к Преподобному Сергию, и к афонскому старцу Силуану, и к сонму других русских и нерусских святых. «Сей род ищущих Господа, ищущих лице Бога Иаковля» (Пс. 23, 6). Эти слова обращены и к нашему народу, «ревностному к добрым делам» (Тит. 2, 14). Мы имеем свидетельства, которыми подчеркивается специфика именно русского народа, как народа особенного, ревностного, почему и Божия Матерь при неоднократных явлениях Своим избранникам говорила: «Господь наиболее прославится в русском народе». И мы верим этим свидетельствам, ибо сказаны они по откровению Святого Духа тем, кто подвигом любви стяжал великую благодать. Среди них был и афонский старец Силуан. Вот его беседа о путях русской духовности:

«— Как ты думаешь, о. Ф., почему же так немцы лучше русских умеют строить машины и другие вещи?

В ответ о. Ф. снова стал восхвалять немцев, как народ более способный, более ученый, более даровитый, в то время как мы, русские, никуда не годимся.

Отец Силуан на это ответил:

— А я думаю, что тут совсем другая причина, а не то, что неспособность русских. Потому, я думаю, это, что русские люди первую мысль, первую силу отдают Богу и мало думают о земном, а если бы русский народ, подобно другим народам, обернулся бы всем лицом к земле и стал бы только этим заниматься, то он скоро обогнал бы их, потому что это менее трудно»⁶.

«В то время как западный человек привык дорожить своим социальным положением, соответственно с жизненными удобствами, русскому человеку, даже знатного происхождения, такой «конформизм» был совершенно не свойствен. Бескрайние просторы русской земли, суровый климат, незащищенность от набегов кочевников — все это породило некую метафизическую настроенность, говорило о переходящем образе сего мира, содействовало устремленности к горнему. Православие дало верную направленность этим стремлениям, соединив их с жаждой «нового Неба и новой земли», Царствия Божия на земле, преобразования жизни и грядущего её преобразования.

Идеал святости стал для русского человека высшим моральным идеалом, воплощением непреодолимых духовных ценностей»⁷.

И вот уже тысячелетие великий сон святых, в земле Российской просиявших, светит нам с церковного небосклона, и свет их вечен, ибо льется из Вечности, и святость их свидетельствована в «явлении духа и силы» (1 Кор. 2, 4).

И какие бесценные сокровища нетленных и чудотворных мощей русских святых хранят наши города: Киев, Москва, Владимир, Новгород, Ростов, Суздаль, Смоленск, Иркутск, Белгород, Чернигов, Харьков, Почаев и многие другие! Воистину справедлива народная молва, что на Руси не стоит город без святого, а селение без праведника.

В преддверии 1000-летия Крещения Руси мы являемся свидетелями того, что в церковном самосознании созрела необходимость прославления и празднования соборных памятей русских святых, в которых видим «плод красный спасительного Христова сеяния». И вслед за памятью собора святых, в земле Российской просиявших, в литургическую жизнь нашей Церкви входят празднования соборам святых Новгородских, Ярославских, Вологодских, Владимирских, Костромских, Белорусских, Сибирских, Радонежских и т. д. В этом проявляется на Руси самобытная духовная традиция, особое благочестие, освятившее всю жизнь русского народа, его национальное и государственное бытие. «В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути. Верим, что каждый народ имеет собственное религиозное призвание. И, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями»⁸.

«Если есть у России народный богатырь, который всего лучше выражает дух России, то, конечно, это Преподобный Сергий»⁹, — писал Е. Поселянин. — Основанная им 650 лет назад обитель Живоначальной Троицы духовным самосознанием народа всегда воспринималась как сердце России, а сам Преподобный Сергий Радонежский — как особый покровитель, хранитель и вождь русского народа, Всероссийский Игумен, — может быть, точнее сказать, по замечанию священника Павла Флоренского, Ангел-Хранитель России».

«Не в сравнительных с другими святыми размерах исторического величия тут дело, а в особой творческой связанности Преподобного Сергия с душой русского народа. Говоря о своем отце, как об исключительном для меня человеке, я этим даже не ставлю вопроса о сравнительных

его размерах, с другими отцами, но, тем не менее, он — мой, он именно, и, вникая в себя, не могу не сосредоточиться исключительным образом именно на нем. Так, в стремлении познать и понять душу России, мы не можем не собрать своей мысли на этом Ангеле земли Русской — Сергии»¹⁰.

По замечанию того же отца Павла Флоренского, «великое есть синтез того, что по частям фосфорически мерцало во всем народе; оно не было бы великим, если бы не разрешалось собой творческое томление всего народа. Но тем не менее это оно именно творчески синтезирует смутные волнения, изливая их в одном слове. Таковым было слово Преподобного Сергия, выразившего самую суть исканий и стремлений русского народа, и это слово, хотя бы и произносимое ранее, сознательно и полновесно было, однако, произнесено впервые им»¹¹.

В жизни Преподобного Сергия воплотилась основная идея назначения Русской земли, православного русского народа — идея земной силы, стремящейся к небесным целям, идея о народе, прежде всего ищущем своего спасения в Боге и затем несущем евангельскую любовь и мир другим народам. Смысл духовной жизни заключается в полном и совершенном отсечении всякого своекорыстия, в полной самоотдаче Богу. Только свободная от земных привязанностей душа, подобно выметенной горнице, готова и способна принять спасительную Благодать.

С самого детства Преподобный полюбил Бога простой и цельной любовью. Еще во утробе матери Бог благоволил открыть в нем Сына Своего (Гал. 1, 15, 16); трикратным возгласением во время литургии в церкви младенец показал себя как истинного служителя Святой Троицы. По мнению священника Павла Флоренского, этим событием из жизни Преподобного Сергия народное сознание желает сказать: «Вот как глубоко определился дух Преподобного горним первообразом, еще во утробе матери весь ему преданный и проработанный. Этим первообразом была абсолютность Пресвятой Троицы, приблизительно в это время, во время Преподобного Сергия, предельно довыясненная и досказанная в так называемых паламитских спорах и в вопросах об «общей благодати Пресвятой Троицы» церковной мыслью Византии»¹².

После смерти своих родителей — схимонахов Кирилла и Марии — в 1337 г. вместе с братом своим монахом Стефаном юный Варфоломей начал свой подвижнический путь с продолжительного уединения, исполненного трудов и лишений, среди дремучего Радонежского леса. Затем он «строит храм Пресвятой Троицы», «чтобы постоянным взиранием на него», — по выражению жизнеописателя Преподобного Сергия, — «побеждать страх перед ненавистной раздельностью мира». Троица называется Живоначальной, т. е. началом, истоком, родником жизни, как единосущная и нераздельная, ибо единство в любви есть жизнь и начало жизни, вражда же, раздоры и разделение разрушают, губят и приводят к смерти»¹³.

Жизнеописатель, сам живший в братстве, воспитанном Сергием, живыми чертами описывает, как оно созидалось, с какой постепенностью и любовью к человеку, с каким терпением и знанием души человеческой. Страницы древнего Жития повествуют о том, как Преподобный Сергий, начав править собравшейся к нему братией, был для неё поваром, пекарем, мельником, droвоколом, портным, плотником, каким угодно трудником. Служил он ей, как «раб купленный»¹⁴, по выражению Жития, ни на один час не складывая рук для отдыха. Потом, став настоятелем обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу, он принимал искавших у него пострижения, не оставляя без попечения каждого нового инока, возводя его со ступени на ступень иноческого искуса.

О игуменском руководстве Преподобного Сергия жизнеописатель повествует: «В поздний вечер, когда наступала уже глубокая ночь, исполнив в келлии свое молитвенное правило, он обходил все келлии монахов... И если услышит кого, что он молится, или кладет поклоны, или в безмолвии занимается рукоделием, или читает священные книги, или о грехах плачет и сетует, то о таких он радовался и благодарил Бога, молясь о них. Если же услышит, что сошлись вместе двое или трое и разговаривают, или производят смех, то этим оставался недоволен и не терпел таких вещей. Ударив рукою в дверь или окно, он уходил... Всех он учил прилежно молиться Богу и после вечерних молитв не разговаривать, не выходить никому из келлии, но каждому иметь в руках посылное рукоделье, а в устах Давидовы псалмы»¹⁵.

Смирненная кротость — основная духовная ткань личности Преподобного Сергия. Мы не видим в Радонежском игумене выраженной суровой аскезы — ни вериг, ни истязаний плоти, но в нем ярко выражена безответная кротость. Однажды он нанимается к одному из своих монахов (до введения общежития) строить сени в его келлии за решето гнилых хлебцев. Крестьянину, смеявшемуся над его убогим видом, он кланяется в ноги и сажает с собой за трапезу. Мы никогда не видим Преподобного Сергия наказывающим своих духовных чад. И чудеса святого благодетельны и безгневны; он не карает грешников. В самых чудесах своих Преподобный Сергий ищет умалить себя, принизить духовную силу. Воскресив умершего ребенка, он говорит отцу: «Прельстился еси, о человеке, и не веши, что глаголеши: отроча бо твое студенью изнемогши, тебе мнится, яко умре»¹⁶.

Он молитвой изводит источник из земли только вследствие ропота монахов на отсутствие питьевой воды и запрещает называть его Сергиевым: «Яко да никогда же слышу от вас моим именем источник он зовущ: не бо аз дах воду сию, но Господь дарова нам недостойным»¹⁷. Вот

практическая школа благонравия, в которой сверх религиозно-иноческого воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, беспредельное смирение, личный пример, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Наставник вел ежедневную терпеливую работу над каждым отдельным братом. По последующей самостоятельной деятельности учеников Преподобного Сергия видно, что «под его воспитательным руководством лица не обезличивались, лица не стирались, каждый входил в состав сложного и стройного целого, как в мозаичной иконе различные по величине и цвету камешки укладываются под рукою мастера в гармоничное и выразительное изображение»¹⁸. Наблюдение и любовь к людям дали умение тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее свойства.

В монастыре всё было бедно и скудно, или, как разочарованно выразился один мужичок, пришедший в обитель Преподобного повидать прославленного игумена, «все худостоно, все нищетоно, все сиротинско». В деревянной церковке, за недостатком свеч, пахло лучиной. В обиходе братии столько же недостатков, сколько заплак на сермяжной раске игумена. «Чего ни хватись, всего нет», — говорит жизнеописатель. Случалось, вся братия по целым дням оставалась без куска хлеба. Но все были дружны между собой и приветливы к пришельцам, во всем прослеживались порядок и рассудительность. Каждый работал с молитвой, молился и после работы. «Во всех чувствовался скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Мир видел всё это и уходил ободренный и освеженный, подобно тому, как мутная волна, прибывая к прибрежной скале, отлагает от себя примесь, захваченную в неопрятном месте, и бежит далее светлой и прозрачной струей»¹⁹.

Это необычайно благодатное, преобразующее воздействие, которое оказывали Преподобный Сергий и его ученики на окружающий мир, объясняется родственностью духовной жизни Преподобного Сергия современному ему мистическому движению на православном Востоке. Можно сопоставить светоносные видения аввы Сергия с фаворским светом исихастов, практиков «умного делания» или умной молитвы. «Для бедной богословием Руси Пресвятая Троица ни до Сергия, ни после него не была предметом умозрения. Именно в лице Преподобного Сергия мы имеем первого русского святого, которого, в православном смысле этого слова, можно назвать мистиком, т. е. носителем особой, таинственной духовной жизни, не исчерпаемой подвигом любви, аскезой и неотступностью молитвы. Тайны его духовной жизни остались скрытыми для нас. Видения — лишь знаки, отмечающие неведомое»²⁰.

Только такой подвижник, чье сердце стало обителью Святого Духа, мог уловить и понять всю совокупность духовной жизни русского народа, направить ее по спасительному руслу, сумел из всего духовного богатства православного Востока выделить самое существенное, самое главное для простой, открытой, доброй русской души и дать ей такую духовную литературу, которая учила бы внутреннему деланию и молитве — источнику ведения и созерцания Живоначальной Троицы. В монастыре Преподобного переписывают творения Иоанна Лествичника, аввы Доротея, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова.

В жизни Преподобного Сергия можно выделить два основных начала, которым служил этот духовносыльный муж, — святое Православие и свобода Руси. И это служение совершенно естественно влияло на формирование всех сторон жизни нашего народа. Самое имя основанного им монастыря проповедует главнейший догмат Православия: о создавшем Отце, искупившем Сыне и всё возрождающем Духе. Этот глубоко пронизательный замысел необходимо отнести к действию богосозерцательного ума великого подвижника. Определяя значение этого редчайшего, а следовательно сказать, уникального на Руси явления, митрополит Московский Филарет писал: «Его ум устремился тогда к высочайшему христианскому догмату, дабы привлечь за собой умы даже младенцев веры. Посвятив храм сей имени Пресвятыя Троицы, он сделал то, что здесь, в его обители, по самому напоминанию имени храма каждый поклонник богословствует, исповедует и славит Живоначальную Троицу и, богословствуя, приносит свою молитву»²¹. На все времена Преподобный Сергий и его обитель являются неумолкающими проповедниками Православия, и преимущественно ему обязана Русь живым духом и чистотой православной веры, которой она живет донныне. Забота о чистоте Православия и сохранении его без изменения не оставляла Преподобного Сергия и по отношению его к Богу. Е. Поселянин рассказывает, что, когда в 1440 г. во Флоренции некоторые из православных участников собора, в том числе русский митрополит Исидор, силой подкупа и угроз подписали признание главенства над Церковью Римского папы и некоторые другие еретические положения католичества, Преподобный Сергий пришел на помощь одному из русских участников собора — судальскому священнику Симеону. Он не покорился латинству, много за то вытерпел и решил бежать. На пути, в тяжелых обстоятельствах, во сне, он увидел старца, который взял его за руку и спросил, благословился ли он у Марка, епископа Ефесского? «Благословен от Бога человек сей, — сказал старец, — потому что никто из светного собора не преклонил его. Проводеуй же заповеданное от святого Марка учение всем православным, и имеющий истинный разум да не уклоняется от тебе». Предсказав благополучное возвращение, старец назвал себя: «Я — Сергий, которого ты некогда призвал в молитве»²².

В период Смутного времени, когда враги и отступники проливали по всей Руси христианскую кровь как воду, ключарь Троицкой обители Иоанн от многой горести и изнеможения сидел некогда в своей келлии и молился о милости Божией. «И, поникнув, начал я плакать и рыдать, — пишет он, — размышляя в сердце своем, как в прежние времена латины от Православия отлучились, а после и все западные страны в люторскую ересь уклонились, от Православия также став отступниками. И уже полагал я в мысли своей, что и здесь быть нам одоленным от еретиков и что наступают времена, о которых в Апокалипсисе притчею говорится, как о жене и о змие. И думал я, что на Руси Православию уже не быть, и от многого плача изнемог и впал в забытие. Внезапно же услышал я, как наяву, голос, обращенный ко мне от оконца, укоряющий и поношающий меня: «Кто ты есть, что смеешь такое думать, будто на Руси не быть Православию, и как смеешь ты испытывать судьбы Божии? А того не знаешь, что молят Бога за вас Василий Великий и Димитрий Солунский, да и ваш Преподобный Сергей чудотворец, и будет Православие на Руси по-прежнему!»²³.

Из этих примеров видно, как русская духовность в лице Преподобного Сергия определила свое отношение к посягательству римского католицизма на чистоту Православия.

«Но если храм был посвящен Пресвятой Троице, — говорит священник Павел Флоренский, — то должна была стоять в нем и храмовая икона Пресвятой Троицы, выражающая духовную суть самого храма, так сказать, осуществленное в красках имя храма»²⁴. Интересно то обстоятельство, что миниатюры Епифаниева Жития представляют икону Троицы в келлии Преподобного Сергия не с самого начала повествования, а лишь в середине, что свидетельствует о возникновении этой иконы именно в годы деятельности Преподобного.

«В иконе Троицы, — утверждает отец Павел Флоренский, — Андрей Рублев был не самостоятельным творцом, а лишь гениальным осуществителем замысла и основной композиции, данных Преподобным Сергием»²⁵.

Раскрывая внутреннее содержание этого образа, о. Павел писал: «Нас умиляет, поражает и почти ожигает в произведении Рублева вовсе не сюжет, не число «три», не чаша за столом и не крила, а внезапно сдернутая пред нами завеса ноуменального мира, и нам в порядке эстетическом важно не то, какими средствами достиг иконописец этой обнаженности ноуменального, и были ли в чьих-либо других руках те же краски и те же приемы, а то, что он воистину передал нам узренное им откровение. Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безмирия, растлившего Русь, открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир, «свешный мир» горнего мира. Вражде и ненависти, царящим в долине, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних. Вот этот-то неизъяснимый мир, струющийся широким потоком прямо в душу созерцающего от Троицы Рублева, эту ничему в мире не равную лазурь — более небесную, чем само земное небо... эту невыразимую грацию взаимных склонений, эту премирную тишину безглагольности, эту бесконечную друг пред другом покорность -- мы считаем творческим содержанием Троицы. Человеческая культура, представленная палатами, мир жизни — деревом и земля — скалой, — все мало и ничтожно пред этим общением неиссякаемой бесконечной любви: всё — лишь около нее и для нее, ибо она своей голубиной, музыкальной своей красоты, своим пребыванием выше пола, выше возраста, выше всех земных определений и разделений есть само небо, есть сама безусловная реальность, есть то истинно лучшее, что выше всего сущего. Андрей Рублев воплотил столь же непостижимое, сколь и кристально-твердое и непоколебимо-верное, видение мира. Но чтобы увидеть этот мир, чтобы вобрать в свою душу и в свою кисть это прохладное, живительное веяние духа, нужно было иметь художнику пред собой небесный первообраз, а вокруг себя — земное отображение, быть в среде духовной, в среде умирной. Андрей Рублев питался, как художник, тем, что дано ему было. И потому не преподобный Андрей Рублев, духовный внук Преподобного Сергия, а сам родоначальник земли Русской — Сергей Радонежский должен быть почитаем за истинного творца величайшего из произведений не только русской, но и, конечно, всемирной кисти.

Через эту чудотворную икону — символ русского духа выразились русская идея и своеобразные черты русского духа, опять-таки связанные с именем Преподобного Сергия. Это — день Святой Троицы, как литургическое творчество именно русской духовной культуры и даже определеннее — творчество Преподобного Сергия.

Напомним, что Византия не знала этого праздника, как не знала она, в сущности, ни Троицных храмов, ни Троицных икон... Праздник Пятидесятницы, бывший на месте нынешнего Троицкого дня, был праздником исторического, а не открыто онтологического значения. С XIV века на Руси он выявляет свою онтологическую суть, делаясь праздником Пресвятой Троицы...

Праздник Троицы, нужно полагать, впервые появляется в качестве местного храмового праздника Троицкого собора как чествование «Троицы» Андрея Рублева. Подобно тому, как служба Иерусалимского храма Воскресения, в мире, по самому месту своего совершения, единственная, делается образом и образцом службы воскресной, повсюду совершаемой, и вводится затем в устав, или подобно тому, как празднество Воздвижения Креста Господня, опять-

так первоначально единственное, по самому предмету празднования, по единственности Животворящего Креста, уставно распространяется, в качестве образца... — так точно местное празднование единственной иконы единственного храма, будучи духовной сущностью всего русского народа, бесчисленными отражениями воспроизводится в бесчисленных Троицких храмах, с бесчисленными иконами Троицы»²⁶.

Опытное переживание духовных сокровищ Православия в жизни Преподобного Радонежского Игумена перерастало из системы богословских положений в самую структуру жизни, и принципы православного вероучения переносились им в уклад жизни монастыря. «Идея Пресвятой Троицы для Преподобного Сергия была в порядке общественного строительства заповедью общежития», — писал отец Павел Флоренский. Общежителство знаменует всегда духовный подъем. Именно этим характеризуются начало христианства. «Начало Киевской Руси также было ознаменовано введением общежития, центр которого возникает в Киево-Печерской Лавре вскоре после Крещения Руси; и начало Руси Московской, опять-таки приобщившейся новому духовному созерцанию, отмечено введением в центре Руси Московской общежития, по совету и с благословения умирающей Византии. Идея общежития, как совместного жития в полной любви, единомыслии и экономическом единстве..., всегда столь близкая русской душе и сияющая в ней, как вожденнейшая заповедь жизни, была водружена и воплощена в Троице-Сергиевой Лавре Преподобным Сергием и распространялась отсюда, от Дома Троицы, как центра колонизации и территориальной, и хозяйственной, и художественной, и просветительной, и, наконец, моральной»²⁷.

Если в бедственный первый век татаро-монгольской ига на Руси было образовано 30 монастырей, то в следующем столетии (1340—1440) — около 150. Если до середины XIV в. почти все русские монастыри возникали в городах или под их стенами, то со времени Преподобного Сергия наступает коренной перелом в направлении жизни и структуре монашеских общин. Решительный численный перевес получают монастыри, возникавшие вдали от городов, в лесной глуши. Так к основной цели монашества — борьбе с недостатками и немощами искаженной грехом человеческой природы присоединилась новая — борьба с неудобствами внешней природы. И вторая цель стала одновременно средством для достижения первой.

Многие из учеников Преподобного Сергия стали основателями других монастырей. Наиболее известными из них являются Феодор, родной племянник Сергия, — основатель и архимандрит ставропигиального Симонова монастыря в Москве; преподобный Савва, основавший около Звенигорода монастырь во имя Рождества Богородицы; преподобный Мефодий Пешношский — строитель Никольского монастыря на реке Пешноше; преподобный Сильвестр Обнорский, построивший Воскресенский монастырь; преподобные Павел Комельский и Сергей Нуромский, основавшие свои монастыри в Комельском лесу Вологодского края; преподобный Авраамий Чухломский — основатель четырех монастырей и Иаков Железоборовский — строитель Предтеченской обители, подвизавшиеся в Костромских пределах, недалеко от Галича.

Кроме этих непосредственных учеников аввы Сергия, известны еще другие строители монашеских обителей, бывшие его собеседниками и учениками его учеников. К их числу принадлежали преподобный Димитрий Прилуцкий, Вологодский чудотворец, преподобные Кирилл и Ферапонт Белозерские, вышедший из Кириллова монастыря преподобный Савватий Соловецкий, преподобный Стефан Махришский, преподобный Пафнутий Боровский, ученик преподобного Никиты Серпуховского, который был постриженником Преподобного Сергия Радонежского. Из Боровской обители вышел известный церковный и общественный деятель — преподобный Иосиф Волоцкий.

Благодатные ученики великого аввы Сергия, разлетевшись, подобно птенцам из родного гнезда, в разные стороны, основали новые иноческие обители, из которых вышли богоугодные подвижники и основатели новых монастырей. По данным митрополита Макария (Булгакова), за два столетия монгольского владычества на Руси появилось 180 вновь построенных и восстановленных монастырей²⁸. Из этого числа 90 монастырей, т. е. половина, были основаны трудами и благословением Преподобного Сергия, его учеников, собеседников и их сотрудников. При этом надо отметить, что обители Сергиевых учеников основывались в строгом духе подлинного монашества, с введением в них общежительного устава.

Таким образом, обитель Живоначальной Троицы явилась центром излучения благодатной силы духовного обновления огромной мощи. Созданные трудами Преподобного Сергия и его учеников монастыри становятся источниками этой силы, духовными митрополиями, через которые «живая духовная преемственность святого Сергия сохранялась и сохраняется в русской святости»²⁹.

Сам первенствуя в многообразных телесных трудах, Преподобный Сергей проявлял большую любовь и к духовному чтению. Он приумножал сам и призывал своих учеников хранить и множить ту святоотеческую литературу, которая и по сей день является основным духовным кладом, из коего черпает живительную воду истинного богословия русская православная душа.

От самого своего основания обитель Преподобного Сергия делается очагом обширной духовной литературной деятельности и народного просвещения³⁰.

И не без глубокого providенциального смысла большую часть своей жизни и служения Русской Православной Церкви осуществляет в лаврских стенах Московская Духовная Академия, неизменно блюдущая крепость уз с «Домом Живоначальной Троицы» и его Преподобным строителем. Духовные истоки Московской Духовной Академии, Дома премудрости и разума, связаны с кругом идей обители Живоначальной Троицы, Дома веры, страха Божия и любви Божией. Дом веры и Дом разума имеют в основании общий краеугольный камень — идею единосущия. Идея единосущия лежит в основе Символа веры, тринитарной и христологической догматики, христианской философии и науки, норм деятельности разума и уставов духовной жизни. Само спасение — в единосущии человека с Церковью. Догмат единосущия Пресвятой Троицы заключает в себе антиномическое зерно всего христианского жизнепонимания. Он есть общий корень религии и философии. «Триипостасное единство — предмет всего богословия, тема всего богословия и наконец — заповедь всей жизни, она-то и есть корень разума»³¹.

Но Преподобный Сергий научает не только тому, что собственно является истинным предметом познания, но и тому, как надо познавать Триипостасную Истину. «У нетленного тела Сергия Преподобного, всегда умиротворяющего встревоженную душу, каждодневно и одновременно слышим мы призыв, обещающий покой и смущенному разуму. Всё, — читаемое на молебне Преподобному, — 43-е зачало Матфея имеет преимущественно познавательное значение, о недостаточности познания рассудочного и о необходимости познания духовного. Вот почему Московскую Духовную Академию называют «Большой келлией Преподобного Сергия»³².

«Русская книга, русская литература, вообще русское просвещение основное свое питание получали всегда от просветительной деятельности, сгушавшейся в Лавре и около Лавры... Русская архитектура на протяжении всех веков делает сюда, в Лавру, лучшие свои вклады, так что Лавра — подлинный исторический музей русской архитектуры. Самые странствования Преподобного Сергия, а дальше бесчисленные поколения русских святых, бывших его именно духовными детьми, внуками, правнуками и так далее до наших дней включительно, разнесли с собой русское просвещение, русскую культуру, русскую хозяйственность, русскую государственность, а точнее сказать, русскую идею в ее целом, все стороны жизни нашей собой определяющую»³³.

Воспитанное Преподобным Сергием дружное братство Троицкого монастыря имело глубокое духовное, обновляющее и исполненное великой притягательности воздействие на современное ему русское общество. Мир с душевным волнением смотрел на уклад жизни Радонской обители, и то, что открывалось его взору, поучало его правилам христианского общежития «не словом или языком, но делом и истиною» (1 Ин. 3,18). В жизни учеников Преподобного Сергия смертоносной разделенности, властвовавшей в среде русского общества того времени, противостояло черпаемое верой в Божественное Троиединство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания жизнеутверждающее «единство духа в союзе мира» (Еф. 4,3). И самый Троицкий храм, гениально, можно сказать, открытый Преподобным Сергием, по творческому замыслу основателя являлся прототипом собрания Руси в духовном единстве, в братской любви³⁴.

И если кратким словом попытаться выразить суть патриотического служения Преподобного, то этим словом будет «собрание», естественно вытекавшее из внутреннего, созерцательного подвига «непрестанного зирания на Живоначальную Троицу». В Ней, как Единосущей и Нераздельной, отрицались всякие междоусобицы, разрозненность и разделенность и утверждалось собрание воедино; в Ней, как Неслиянной, отрицалось всякое насилие, подавление и угнетение и утверждалась свобода, открывающаяся во взаимной любви: «Бог любовь есть» (1 Ин. 4,8). И Преподобный Сергий вначале собирает воедино силы своей души, затем, став светозарным и богоподобным, далеко изливает лучи стяжанной им Благодати, мира и любви — собирает вокруг себя сначала братию и постепенно всю Русь. В монастыре он учреждает забытое общежитие, среди же русских князей вместо «княжеской розни и усобиц» водворяет мир, напоминая им о нравственной ответственности за судьбу Родины и народа. Его заветы — хранить прежде всего православную веру, без которой он не мыслит единства Отчины, единомыслие и мир между собою, любовь нелицемерную, смирение и гостеприимство — остались важнейшими заветами для всей последующей духовной и государственной жизни русского общества.

Как подлинный духовный Гений Преподобный Сергий творил обновление нравственных сил своего народа. В этой связи «необходимо, — по замечанию В. О. Ключевского, — вспомнить и представить себе людей XIV века, их быт, обстановку, запас умственных и духовных сил, чтобы понять, какое духовное воздействие оказывала обитель Преподобного Сергия на наблюдаемых наблюдателей. Нам трудно уже воспроизвести слагавшееся из этих наблюдений настроение духовной сосредоточенности и общественного братства, какое разносили по своим уголкам побывавшие в этой пустыни люди XIV века. Таких людей была капля в море право-

славного русского населения. Но и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Духовное влияние действует не механически, а органически. На это указал Сам Господь, сказав: «Царство Божие подобно закваске» (Мф. 13,33). Украдкой, западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь духовно-нравственный строй души русского человека XIV века. От вековых бедствий этот человек так оскудел духовно, что не мог не замечать в своей жизни недостатка этих первых основ христианского общежития, но еще не настолько очерствел от этой скудости, чтобы не чувствовать потребности в них. Пробуждение этой потребности и было началом духовного, а потом и политического возрождения русского народа. Пятьдесят лет делал свое дело Преподобный Сергий в Радонежской пустыни. Целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из источника черпали в его пустыни утешение и ободрение и, возвращаясь домой в свой круг, по каплям делились им с другими. Никто тогда не считал гостей пустытника и тех, кого они делали причастниками приносимой ими благодатной росы, подобно тому, как человеку, пробуждающемуся с ощущением здоровья, нет необходимости считать свой пульс. Но к концу жизни Преподобного Сергия едва ли вырывался из какой-либо православной груди на Руси скорбный вздох, который бы не облегчался молитвенным призывом имени святого старца. Этими каплями духовного влияния и выращены были два факта, которые легли среди других основ нашего государственного и общественного здания и которые оба связаны с именем Преподобного Сергия. Один из этих фактов — великое событие, совершившееся при жизни Преподобного Сергия, а другой — целый сложный и продолжительный духовно-нравственный процесс, только начавшийся при его жизни.

Событие состояло в том, что народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными телами. Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды?»³⁵. Всем этим Россия всецело обязана Преподобному Сергию, его святой жизни и безграничной любви к своему Отечеству.

Время давно заматало вековой пылью кости бойцов Куликова поля, но память о святом Пустынножителе до сих пор живет в народном сознании. «Чем дорога народу эта память, что она говорит ему, его уму и сердцу? В душу народа глубоко запало сильное и светлое впечатление, произведенное когда-то одним человеком, произведенное неуловимыми, бесшумными нравственными средствами, про которые не знаешь, что и рассказать, как не находишь слов для передачи иного светлого и ободряющего, хотя молчаливого, взгляда. Виновик впечатления давно ушел, исчезла и обстановка его деятельности, оставив остатки в монастырской ризнице да источник, изведенный его молитвою, а впечатление все живет, переливаясь свежей струей из поколения в поколение, и ни народные бедствия, ни нравственные переломы в обществе доселе не могли сгладить его. Первое смутное ощущение нравственного мужества, первый проблеск духовного пробуждения — вот в чем состояло это возрождение. Примером своей жизни, высотой своего духа Преподобный Сергий поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна. Так думали тогда все на Руси, и это мнение разделял православный Восток, подобно тому цареградскому епископу, который, по рассказу Сергиева жизнеописателя, приехав в Москву и слыша всюду толки о великом русском подвижнике, с удивлением восклицал: како может в сих странах таков светильник явиться? Преподобный Сергий своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших во тьме и сени смертной, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлеющие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня — такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным творческим актом, таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник — вера. Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к действию эти силы всегда, когда они понадобятся, когда окажутся недостаточными наличные обычные средства народной жизни. Впечатление людей XIV века становилось верованием поколений, за ними следовавших. Отцы передавали воспринятое ими одушевление детям, а они возводили его к тому же источнику, из которого впервые почерпнули его современники»³⁶.

И в жизнь русского народа Преподобный Сергий еще при жизни своей вошел как «возбренный от Царя Сил Господа Иисуса, данный России воевода и чудотворец предивный»³⁷. В этой связи очень трогательно и знаменательно бывшее два века спустя явление Преподобного, в ко-

тором выразилась его забота о покорении Россией одной из частей угнетавшей нас при его жизни Орды.

Когда, перед Казанским походом царя Иоанна Грозного, был заложен русский город-крепость Свияжск, сделалось известным следующее. Лет за пять до основания города на его месте, при пении и звоне, невидимо откуда раздававшихся, появлялся старый инок, ходил с крестом в руках, благословляя, точно отмеряя место, и, когда татары пытались его взять, исчезал на их глазах. По иконе Преподобного Сергия, принесенной потом в Свияжск, татары узнали старца.

Перед самым взятием Казани Иоанн Грозный возносил молитвы к Преподобному Сергию, и после похода у раки Великого Аввы он воскликнул: «Твоими молитвами мы получили желаемое. Совершилось, чего и не чаяли. Ты явил свое дивное милосердие, заступник земли Русской!».

Значение Преподобного Сергия еще отчетливее проявляется среди бедствий Смутного времени, когда Россия была близка к конечной гибели. Собранные великими трудами государство раздвигалось, прикипало к земле православная вера, извратились людские нравы, земля смотрела унылыми пожарищами. Москва существовала как отвлеченная идея, как память прошлого, с поруганными святилищами и замученным патриархом Гермогеном. Столица в руках иноверцев была гнездом и источником крамолы, измены и всяких преступлений. Казалось, самому имени земли Русской надлежало исчезнуть.

В это время среди общего смятения твердым, нерушимым столпом стояла — обетованием Пресвятой Девы — Троице-Сергиева Лавра и среди ледящего мрака сияла, как светоч, которого не могли погасить никакие вихри. Казалось, она одна хранила бодрость и веру в тот народ, который словно уже изверился в себе. Она одна — среди разнузданных криков отчаяния, вражды, проклятий и гибели — спокойно и неустанно возносила привычную хвалу и мольбу «Святому Крепкому», который силен совершить чудо избавления людей Своих от гибели. И такое чудо совершилось.

Дивная оборона Преподобным Сергием своей Лавры во время 16-месячной осады поляков хорошо известна. Преподобный словно поднялся тогда из гроба: предупреждал защитников Лавры о намерениях врагов, на виду у поляков обходил ограду с кропилом и святой водой, являлся в церквах и келлиях то молящимся, то ободряющим, то обличающим нерадивых, то советующим (как видели его потом и в осажденной Москве со словами утешения и уверенной надежды).

Гораздо менее известно то, что подвиг Минина тоже внушен Преподобным Сергием. Дважды являлся Печальник земли Русской Минину во время его уединенной молитвы и повелевал собирать казну для ратных людей и идти на освобождение Москвы. Но Минин не решался. Тогда третий раз явился Преподобный, уже с грозным увещанием и словом, что «есть изволение суда Божия помиловать православных и привести в тишину». После этого явления Минин почувствовал ослабление сил и счел это за кару. Вскоре он избран был в земские старосты. Исполняя слова Сергиевы, он бросил освободительный клич. Проходя — уже в ополчении Пожарского — мимо Троицкой обители, Минин сам объявил монастырскому келарю Дионисию о явлениях Преподобного.

За несколько часов до освобождения Москвы Преподобный Сергей явился архиепископу Элассонскому Арсению, томившемуся в Кремле от голода и болезни, и, исцелив его, сказал: «Встань и иди во сретение православному воинству: молитвами Пресвятыя Богородицы Господь очистил царствующий град от врагов».

Помощи Преподобного Сергия современники приписывали и заключение Деулинского перемирия с поляками, которое затягивалось, пока в Троицком монастыре не помолились Преподобному Сергию, и тогда поляки сами призвали русских к переговорам. За это и воздвигнут был в Деулине храм в честь Игумена земли Русской как «истинного миротворца».

Русское общество начала XVII в. вполне сознавало чрезвычайность заступничества Преподобного Сергия. Ему первому из святых был составлен тогда акафист. Подобно тому, как хвалебное пение Богоматери, составленное после чудесного избавления Ею в 866 г. Царьграда от языческой русской дружины, начинается словами «Взбранной Воеводе», и в акафисте Преподобному, вождю русских сил, спасшему свою Родину от гибели, первыми являются слова: «Возбранный от Царя сил Господа Иисуса, данный России воеводо и чудотворче предивный!» В этих словах ясно выражен взгляд на значение Преподобного Сергия в сохранении целостности Русской земли.

Икона Преподобного Сергия, писанная на гробовой его доске, сопутствовала действующей русской армии и в Отечественную войну 1812 г., и в русско-турецкую войну 1877--1878 гг.

Всматриваясь в дела Преподобного Сергия и в то, чем обязана ему Россия, можно без погрешности назвать его вождем Русской земли. Он далеко превзошел значение местничьего святого. Созерцатель «горного мира» и общественный деятель, отшельник и киновит, он является совершенным выразителем русского идеала святости. Он смог все соединить в своей благодатной полноте. «При имени Преподобного Сергия народ вспоминает свое нравствен-

ное возрождение. Это возрождение и это правило (жизни) — самые дорогие вклады Преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа в его нравственное содержание... Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятями срастается нравственное чувство народа, они — питательная почва; в них его корни; оторвите его от них — оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самонимение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка»³⁸.

Преподобный Сергий был сыном своего времени и своего народа, но, как истинный духовный гений, он стал выше своего века. Он мог видеть не только настоящее, но созерцал будущее и вел за собой других людей к подлинной духовной свободе. Своим личным примером, молитвой и словом он творил общенародное дело обновления нравственных сил народа, был собирателем русских земель, миротворцем, духовным отцом и советником князей, другом святителей.

«Вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, — писал священник Павел Флоренский, — мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первоузлу: нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука — все эти линии русской культуры сходятся к Преподобному. В лице его русский народ сознал себя, свое культурно-историческое место, свою культурную задачу и тогда только, сознав себя, — получил историческое право на самостоятельность»³⁹.

В заключение представляется уместным привести слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена, Свято-Троице-Сергиевой Лавры Священноархимандрита, Промыслом Божиим чрез единодушное избрание освященного Собора Русской Православной Церкви шестнадцать лет стоящего в ряду непосредственного преемства служения Преподобного Сергия своей Церкви и своему Отечеству: «Преподобный Сергий в жизни Русской Церкви — явление величайшее. Святость жизни, его труды на благо Церкви, его вклад в объединение русских земель вокруг Москвы и защита мирной жизни нашей Родины имеют непреходящее значение. Всем своим обликом, делами евангельской любви, словом христианской мудрости и непрестанной молитвой Пресвятой Троице за Церковь и страну нашу Преподобный Сергий явил себя светильником веры Христовой, изрядным подвижником благочестия и миротворчества. Сила его христианского и патриотического подвига, его светлое, жизнеутверждающее мировосприятие воспаляют наши сердца верой в Бога и любовью к Родине»⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лосский В. Н. Мистическое богословие. — «Богословские труды», сб. 8. М., 1972, с. 95.

² Никитин В. А. Русское благочестие и святость. — «Богословские труды», сб. 27. М., 1986, с. 257.

³ Иеромонах Иоанн (Кологривов). Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961, с. 12—13.

⁴ Житие и подвиги Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца. Составил архим. Никон. Изд. 3. Троице-Сергиева Лавра, 1898, с. 128—129.

⁵ Лосский В. Н. Цит. соч., с. 87—88.

⁶ Софроний, иеромон. Старец Силуан. Париж, 1950, с. 32.

⁷ Никитин В. А. Цит. ст., с. 257—258.

⁸ Федотов Г. П. Святые древней Руси. Нью-Йорк, 1960, с. 5.

⁹ Поселянин Е. Сказание о святых вождях земли Русской. М., 1900, с. 171.

¹⁰ Свящ. П. Флоренский. Троице-Сергиева Лавра и Россия. 1919. Собрание ЦАК МДА, машинопись, 1971.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Житие Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия Чудотворца и Похвальное ему слово, написанное учеником его Епифанием Премудрым. Сергиев Посад, 1908, с. 49.

¹⁵ Там же, 63—64.

¹⁶ Там же, с. 94.

¹⁷ Там же, с. 106.

¹⁸ Ключевский В. О. Очерки и речи. Пг., 1918, с. 202.

¹⁹ Там же, с. 203.

²⁰ Федотов Г. П. Цит. соч., с. 138.

- ²¹ Цит. по: Житие и подвиги Преподобного Сергия, с. 43.
- ²² *Поселянин Е.* Цит. соч., с. 173.
- ²³ *Симон (Азарьин)*, келарь. Книга о (новоявленных) чудесах Преп. Сергия. Сообщил С. Ф. Платонов. Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1888, с. 24—25.
- ²⁴ *Свящ. П. Флоренский.* Цит. соч., с. 15.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Федотов Г. П.* Цит. соч., с. 142—143.
- ²⁸ *Епископ Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. Т. 2. СПб., 1898, с. 187.
- ²⁹ *Федотов Г. П.* Цит. соч., с. 142—143.
- ³⁰ См.: *Прохоров Г. М.* Келейная исихастская литература в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры с XIV по XVII в., 1974, с. 317.
- ³¹ *Свящ. П. Флоренский.* Столп и утверждение истины. М., 1914, с. 51—58; см. также: с. 80—81, 83—108, 279, 343, 488.
- ³² Там же, с. 12—13.
- ³³ *Свящ. П. Флоренский.* Троице-Сергиева Лавра и Россия.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 204.
- ³⁶ Там же, с. 206—207.
- ³⁷ Акафист преп. Сергию, кондак 1-й.
- ³⁸ *Ключевский В. О.* Благодатный воспитатель русского народного духа. Сергиев Посад, 1908.
- ³⁹ *Свящ. П. Флоренский.* Троице-Сергиева Лавра и Россия.
- ⁴⁰ *Пимен, Патриарх Московский и всея Руси.* Слова и речи. М., 1977, с. 5.